

Ты использовала ночник, который я тебе подарила? — она снова прислала сообщение.

М-хм, использовала. На потолке появилась маленькая кошечка, такая милая, мне очень понравился твой подарок.

Это была чистая правда. Когда свет гас, на потолке отражался силуэт котенка — тепло-желтый, пушистый, совсем как в тот раз, когда она впервые сказала, что я похожа на тряпичную куклу. Я долго смотрела на этого котенка, представляя, как она выбирала подарок: не сомневалась ли долго в магазине? Не появлялась ли у нее на лице та самая лукавая улыбка, когда она думала обо мне?

(Бух, бух)

Хе-хе, главное, что тебе понравилось.

Ну всё, пора спать, спокойной ночи.

(Бух, бух)

Спокойной ночи.

Я отложила телефон и уткнулась лицом в подушку. Спокойной ночи? Разве тут уснешь. Маленький котенок на потолке продолжал светиться, словно глаз, который тихонько наблюдал за мной. Я перевернулась на другой бок, плотнее закуталась в одеяло, но голос в сердце становился все отчетливее:

Я люблю ее.

И это не любовь между друзьями, не привязанность питомца к хозяину.

Это такая... любовь, когда хочется быть с ней всегда.

Но ведь мы обе девочки.

Эта мысль обрушилась на меня ушатом ледяной воды, заставив оцепенеть. Я таращилась на потолок широко открытыми глазами, световое пятно котенка раскачивалось перед взором и постепенно расплывалось.

Ладно, пока не буду об этом думать. По крайней мере, завтра... завтра я смогу провести с ней целый день.

От этой мысли сердце снова забилося быстрее. Просто безнадежна.

На следующее утро я проснулась еще до звонка будильника. Простояла перед шкафом двадцать минут, перемерила три наряда, но в итоге все равно надела школьную форму — нет, сегодня же выходной, нужно в повседневном. Снова вернулась к вешалкам, переоделась в белую рубашку и светлую длинную юбку, долго-долго вглядываясь в зеркало.

Не слишком ли старательно? А вдруг, если я оденусь слишком просто, она решит, что я не придаю этому значения?

...О чем я вообще думаю, мы же просто идем в океанариум.

Перед выходом я еще раз взглянула на себя в зеркало, заложила выбившиеся пряди за уши, трижды глубоко вздохнула и только тогда взяла сумочку и вышла за дверь.

Она уже ждала меня на станции.

— Доброе утро, хорошо спала прошлой ночью?

— Отлично.

Ложь. Я почти не сомкнула глаз, и голова была забита каждым мгновением, что должно случиться сегодня. Но признаваться в этом было слишком стыдно.

— Почему ты все время пялишься на меня, мой сегодняшний наряд выглядит странно? — спросила Сяо Лянь, склонив голову набок.

Солнечный свет падал на нее, ветер трепал пряди волос, а глаза сияли. Я замерла, и сердце снова принялось вести себя непослушно.

— Нет, очень красиво.

— У тебя на душе что-то тревожное?

Тревожное? Тревожное — это то, что ты стоишь здесь, озаренная солнцем, и выглядишь до того прекрасно, что у меня пропадает дар речи. Разве такое скажешь вслух?

— С чего бы мне о чем-то тревожиться? Я так счастлива гулять с тобой.

А вот это была чистая правда. Просто стоять рядом с ней — уже великое счастье.

— Если что-то случится, обязательно скажи мне, я ведь твой хороший хозяин.

— Ха-ха, поняла.

От ее улыбки, казалось, озарилась вся станция.

— ...Поезд приехал, пойдем.

(Бух-бух)

— Ой! Сяо И, смотри, медузы!

Она прильнула к стеклу, ее глаза сияли, а сама она буквально прижалась к выставочному аквариуму. Голубоватый свет отражался на ее лице — от подбородка до переносицы и лба, словно она была мягко окутана морской пучиной. Она указывала на прозрачную медузу и, размахивая руками, воодушевленно говорила мне, что та похожа на желе, когда плывет.

Она излучала свет.

И вовсе не из-за подсветки. Она действительно светилась. Где бы ни находилась, она всегда была такой — словно звезда со своим собственным источником света, которой не нужны никакие внешние силы, чтобы притягивать к себе все взгляды.

И особенно — мой взгляд.

— Какая прелесть.

— Да! Да!

Она повернулась ко мне лицом, и мы встретились взглядами. В тот миг голубой свет медуз отразился в ее зрачках, и я увидела собственное отражение в ее глазах: мое лицо покраснело донельзя.

— У тебя такое красное лицо, ты заболела?

Я не заболела. Просто ты подошла ко мне слишком близко — так близко, что я чувствую слабый аромат твоего шампуня, так близко, что могу различить каждую загнутую ресничку, так близко, что мое сердце норовит выпрыгнуть из горла.

— Нет-нет, это от жары.

— Хотя мы и находимся у северного тропика, сейчас ведь уже ноябрь, не до такой же степени жарко.

Она протянула руку и коснулась моего лба. Ее прохладные пальцы легли мне на лоб, и от этого прикосновения меня словно пронзило током — онемение побежало от макушки до самых пят.

— М-м... температуры нет.

Ее рука отдернулась. Но та прохлада на лбу все еще оставалась, словно крошечная метка, и жгла невыносимо.

— Я правда в порядке, давай продолжим нашу прогулку.

Пойдем скорее, если мы не уйдем прямо сейчас, я больше не выдержу.

(Бух-бух)

— Тогда давай сначала посмотрим пингвинов, там прохладно.

Прохладно. Да, мне нужно охладиться. И не только телу, но и этому совершенно неподвластному мне сердцу.

— Ой, это pinging!

— Вообще-то penguin.

— Короче, они очень милые!

— Хи-хи-хи.

Я наконец немного успокоилась. В зоне пингвинов и впрямь было прохладно: волны кондиционированного воздуха ударили в лицо, сбивая жар на щеках. Сяо Лянь увлеченно фотографировала всё подряд вокруг: присаживалась на корточки, вставала на цыпочки, поворачивалась боком — ей хотелось запечатлеть прелесть пингвинов в каждом кадре.

Я стояла в стороне и смотрела на нее.

Когда она фотографировала, ее губы чуть сжимались, глаза сужались в щелочки, а временами она тихонько выдыхала: какая прелесть, и этот звук, развеваемый потоками воздуха, легко оседал в моих ушах.

Стоило ей обрадоваться, как всё вокруг тоже начинало светиться. Холодный синеватый свет пингвинариума, плавающие в стеклянных аквариумах темные силуэты, смех других туристов — всё это превращалось в фон для нее.

А я хотела лишь вечно оставаться частью этого фона и смотреть, как она излучает свет.

Как забавно эти пингвинята покачиваются из стороны в сторону. Но мой взгляд почему-то неизменно соскальзывал с маленьких пингвинов на Сяо Лянь.

Она снимала пингвинов, а я снимала ее — своими глазами.

— Ой! Мы здесь уже так долго, пора отправляться дальше, следующая остановка — дельфины!

— Отлично.

— Может, сядем поближе к центру? Снаружи все-таки прохладно, лучше не попадать под брызги, давай сядем в середине.

— Можно.

Она всегда была такой. На вид беспечная, на деле же она продумывала каждую мелочь ради меня. Посередине не забрызгает водой, не будет слишком холодно и не слишком далеко — ровно такое место, откуда отлично видно представление. Она все устраивала так естественно, словно заботиться обо мне было ее прямым долгом.

Но она не знала, что с каждым проявлением заботы мое сердце все сильнее кренилось в ее сторону. Словно на чаши весов непрерывно подсыпали гирьки, и рано или поздно равновесие нарушилось бы окончательно.

— Как захватывающе.

— Угу.

Когда дельфин выпрыгнул из воды, брызги взлетели вверх, и по зрительным рядам прокатился вздох изумления. Я заметила в водяной взвеси крошечную радугу — такую мимолетную, будто минутная галлюцинация. Сяо Лянь рядом хлопала в ладоши, ее глаза смеялись, согнувшись дугами, а я смотрела на нее и думала, что эта радуга ничуть не сравнима с красотой ее улыбки.

— Ну что, как насчет того, чтобы заглянуть в сувенирную лавку?

— С удовольствием.

— Ура! Мне попался брелок с пингвином.

— А мне с медузой.

— Какое везение.

— Угу.

Она качала перед моим лицом брелком-пингвином, счастливая, совсем как ребенок. Я же сжимала в кулаке доставшуюся мне медузу и думала: медуза — это ведь она первой потащила меня смотреть. А пингвин — ее любимец. Нам выпало ровно то, на что каждая из нас обратила внимание первой.

Можно ли считать это тайным взаимопониманием?

Или же я просто преувеличиваю значение каждого случайного совпадения?

— Ты так добра ко мне, как же мне отплатить тебе за это?

Слова сорвались с языка раньше, чем я сама успела сообразить. Этот вопрос долго крутился у меня в голове — от зала медуз до пингвиньего павильона и дельфинария, раздуваясь подобно воздушному шару, пока наконец не лопнул.

— М? — она склонила голову, глядя на меня.

Она не знала. Конечно же, она не знала. Для нее эта доброта ко мне была, пожалуй, лишь проявлением дружбы, заботой хозяина о питомце, следствием ее собственного характера. Но для меня каждое проявление заботы было сладкой конфеткой, которая растапливала сердце и от которой одновременно саднило в груди — ведь я знала, что за этой лаской не скрывалось того самого смысла, которого мне так хотелось.

И все же я хотела отблагодарить ее. Пусть я не могла дать ей желанную любовь, но должна была сделать так, чтобы она знала: я помню всё ее добро до последней капли.

— В следующий раз на твой день рождения я тоже подарю тебе подарок и буду гулять с тобой.

— Здорово, я буду ждать.

— Слушай, а когда у тебя день рождения?

— Двадцать пятого апреля.

— Ого, значит, еще нескоро.

— Не стоит спешить, мы ведь в любой момент можем пойти погулять вместе, когда захотим.

— Угу.

Когда захотим.

Эти слова упали в самое мягкое место моего сердца, словно семечко. Я опустила голову, делая вид, что рассматриваю брелок-медузу в руке, а на самом деле пыталась скрыть вновь загоревшееся лицо.

В любое время. Значит, впереди нас ждет еще очень-очень много раз. Бесчисленное множество дней наедине.

Стоило только подумать об этом, как пульс едва не превышал все допустимые пределы.

(Бух-бух)

На обратном пути мы шли плечом к плечу. Закат заливал речную гладь, и та искрилась бликами. Она напевала какую-то безымянную мелодию, шагая легко и непринужденно. Я украдкой бросила на нее взгляд: лучи заходящего солнца окрасили ее профиль в золотистые тона, а тени от ресниц ложились на скулы, словно крошечные перышки.

Мне безумно хотелось протянуть руку и взять ее за руку.

Но я не смела.

Рука в кармане то сжималась в кулак, то расслаблялась, снова сжималась и вновь расслаблялась. В конце концов я так и не решилась.

Вернувшись в пустой дом, я повесила брелок с медузой на школьный портфель, а ночник поставила у изголовья кровати. Когда свет погас, котенок на потолке снова зажегся — тепло-желтый, тихий и безмолвный.

Я смотрела на этого котенка и шептала про себя:

Я люблю тебя, Оуян Лянь.

Но я никогда не скажу этого вслух. По крайней мере, сейчас.

Потому что потерять ее я боялась куда сильнее, чем прятать это чувство глубоко в биении сердца, прятать в каждом стуке (бух, бух), прятать в ночной тишине, о которой знаю только я одна.

Лишь бы только оставаться рядом с ней.

Пусть будет так.

(Бух... бух...)

<http://bllate.org/book/19361/1892617>